

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ

DOI: 10.17212/2075-0862-2019-11.2.2-296-309

УДК 316.42

СОЦИАЛЬНАЯ СОЛИДАРНОСТЬ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ (НА ПРИМЕРЕ УЗБЕКИСТАНА)

Осьмук Людмила Алексеевна,

доктор социологических наук, профессор,

директор Института социальных технологий и реабилитации

Новосибирского государственного технического университета

630073, Россия, Новосибирск, пр. К. Маркса, д. 20

ORCID: 0000-0002-4896-3055

osmuk@mail.ru

Тагиева Гулсум Гафуровна,

базовый докторант кафедры социальных наук

Самаркандского государственного университета,

Узбекистан, 140100, Самарканд, ул. Университетский бульвар, д. 15

ORCID: 0000-0003-3619-8154

tagiyeva-gulsum@mail.ru

Аннотация

В статье рассматриваются социальные и социально-политические процессы, протекающие в Центральной Азии. Обсуждаются новое понимание социальной солидарности в традиционном восточном обществе и наметившийся переход к модели национальной государственности Узбекистана, построенной на принципах взаимодействия с гражданским обществом. Проблема заключается в том, что социальная солидарность в эпоху демократических свобод строится в контексте поиска баланса между необходимостью усиления национального государства и естественным процессом развития гражданского общества. Для восточных государств этот баланс всегда имел свою специфику. Цель исследования – выявление возможностей и барьеров социальных и социально-политических процессов, построенных на обращении к солидарности как социальному механизму, позволяющему эффективно интегрировать общество. При этом отмечается политическая и идеологическая составляющая социальной солидарности, которую часто используют в качестве лозунга. Анализируются факторы и условия развития социальной солидарности. Сама социальная солидарность интерпретируется как фактор развития национальной государственности. Узбекистан при этом всё чаще становится инициатором объ-

единения и солидарности государств и обществ на всей территории Центральной Азии и Востока. На основании данных интервью, проведенного центром «Стратегия прогресса», демонстрируется оценка социальных изменений со стороны экспертного сообщества. Показано, как интеллигенция принимает концепцию солидарности. Социальная солидарность, с точки зрения интеллигенции, позволит: снизить социальную напряженность в многокультурном и многоэтническом узбекском обществе с территориальным обозначением границ, оставшимся от советской эпохи, и сохранившейся клановостью; привести к росту институтов гражданского общества, некоммерческих, негосударственных организаций и, соответственно, к снижению роли силовых структур. Наконец, это положительно скажется на социально-психологической атмосфере в обществе, поддержит позитивные социальные настроения. В заключение статьи ставится новая научная проблема, связанная с поиском критериев социальной солидарности (или состояния данного процесса) и необходимостью проведения обследования общественного мнения для понимания того, что думают по этому вопросу различные социальные группы.

Ключевые слова: социальная солидарность, национальная государственность, социальные изменения, узбекское общество, конвенциональные отношения.

Библиографическое описание для цитирования:

Осъмук А.А., Тагиева Г.Г. Социальная солидарность как фактор развития национальной государственности в Центральной Азии (на примере Узбекистана) // Идеи и идеалы. – 2019. – Т. 11, № 2, ч. 2. – С. 296–309. – DOI: 10.17212/2075-0862-2019-11.2.2-296-309.

Теория социальной солидарности (Э. Дюркгейм, П. Кропоткин и др.), появившаяся в конце XIX – начале XX века в ответ на процессы, нарушающие целостность социальных систем, актуализируется в современных условиях и приобретает новое звучание в индивидуализированном обществе [1]. Нельзя не заметить, что сам термин «социальная солидарность» стал всё больше использоваться как в научных, так и в политических текстах (государственных концепциях, речах политических и общественных лидеров). Идея социальной солидарности становится всё более интересной для политической элиты и общественности на всех уровнях (местном, региональном, государственном), поскольку вписывается в дискурс развития государственности и гражданского общества, общества в целом, несмотря на весь его индивидуализированный характер. Обозначенные процессы протекают одновременно и параллельно, влияя друг на друга. Чем сложнее общество, тем большее количество процессов, порой противоречивых, существует в нем, в связи с чем вопросы баланса и целостности становятся всё значимее. Так, в России «с конца 2000-х годов идеология солидарности как ключевого целевого ориенти-

ра развития общества стала воплощаться в концептуальных документах, исходящих от различных государственных и общественных структур федерального и регионального уровней» [8, с. 114].

Можно предположить, что вопросы социальной солидарности в большей степени актуальны для государства и общества в период их становления и в переломные моменты, например, выхода из кризиса или же модернизации. Именно тогда степень солидарности позволяет говорить об успешности преобразований, перехода к социальному порядку, характеризующемуся стабильными структурами и нормативно-ценностной системой. Так, распад Советского Союза привел к всплеску появления национальных республик и росту национального сознания. Сработал эффект пружины [2]: за слишком длительным сдерживанием процессов национального самоопределения последовал их резкий подъем. На этом фоне произошло отторжение всего «советского», идентифицируемого как «имперское», что, в свою очередь, позволило бывшим союзным республикам утвердиться в стратегии становления новой, «своей» государственности. Деструктивная первоначальная реакция сопровождалась одновременно естественным в данных условиях ростом социальной солидарности, построенной на возвращении к традиционным устоям, этнической культуре и национальной религиозной системе. Именно эту картину мы наблюдали с 1991 по 2015–2017 годы практически во всех центральноазиатских республиках. Отметим, что процессы дифференциации, имеющие место при распадах крупных государственных образований, как правило, касаются и вновь образованных государств, в первую очередь национальных, поскольку «собрать людей» и выстроить функциональную социальную структуру, вернуть социальный порядок – задача сложнейшая. Она касается восстановления всех социальных связей, которые неизбежно рвутся в периоды преобразований – как имеющих системный характер, так и человеческих. Отсюда обращение к социальной солидарности отнюдь не случайно, она всегда рассматривалась в дискурсе прочных отношений (от лат. *solidus* – прочный).

Отметим, что для любого развивающегося общества институт государства обеспечивает стабильность, в связи с чем общество проходит этапы усиления государства и лишь затем некоторого его ослабления в период развития (усиления) гражданского общества. Наблюдаемая дуальность институтов государства и гражданского общества сказывается в возникающих между ними противоречиях (особенно в периоды авторитарных/тоталитарных режимов или в периоды революции) и их явной зависимости друг от друга. Взаимодействие между двумя обозначенными социальными институтами можно причислить к сущностным механизмам организации общества. То, что центральноазиатские республики после восстановления

государственности возвращаются к идее гражданского общества (об этом говорится во всех стратегических программах), можно рассматривать и как вынужденную меру. Поскольку идеи развития гражданского общества, правового государства, демократических свобод – при всей их критике – признаются маркерами современного («цивилизованного») государства [3], центральноазиатские республики вынуждены соответствовать общему вектору развития.

Социальная солидарность в современную эпоху демократических свобод строится в контексте поиска баланса между необходимостью усиления национального государства и естественным процессом развития гражданского общества, но для восточных государств этот «баланс» всегда имел свою специфику. В качестве примера можно рассмотреть процессы, имеющие место в Республике Узбекистан. Хаотичные деструктивные процессы сменяются здесь рациональным конструированием стратегии развития, релевантной общественному развитию и культуре. Показательным является и начавшееся ограничение власти силовиков, Службы национальной безопасности, что свидетельствует о курсе на либерализацию. В данной ситуации лозунг «социальной солидарности» отвечает медленному, но всё же тренду в сторону модернизации, взятому Узбекистаном, что уже признается политическими аналитиками. По понятным причинам процессы, имеющие место в Узбекистане, попадают в фокус внимания как зарубежной, так и отечественной науки. Узбекистан становится интересен, а рефлексия отечественных социальных научных школ становится возможной.

Развитие государственности узбекского общества подтолкнуло к осознанию необходимости иметь собственную, отличную от бывшей советской версию истории, в связи с чем были написаны учебники, в том числе трехтомная «История государственности Узбекистана» и др. В текстах учебников раскрываются истоки самоопределения и возможности национальной идентичности, принципиально важной для многокультурного, многоэтнического Узбекистана. Действительно, у каждой нации должно быть свое прошлое, поскольку оно являет примеры объединения нации и через данные примеры объединяет социальных субъектов в единое целое. Социальная солидарность без такого стержня и одновременно механизма социализации невозможна.

С одной стороны, написание учебников оказалось стимулом к изучению социального и событийного прошлого территории, с другой – учебники истории – всегда часть идеологии, которая целенаправленно формирует социальную солидарность, имеющую национальный характер. Мы не останавливаемся здесь подробно на вопросе объективности истории, который давно поднимался в работах исследователей (П. Вен, К. Дженкинс, Б. Кроне и др.), но отмечаем, что объективность напрямую

зависит от внутренней и внешней политики, от конкретного заказа со стороны государства. Отсюда, например, потребность в исторически обоснованном образе врага, который, как известно, успешно объединяет нацию, или, напротив, формирование ценностных ориентаций на внешние и внутренние конвенции. Учебник истории помогает создать образ национального государства, который становится центральной структурой для развития коллективных представлений и базой для создания внешнего имиджа.

Для объяснения процесса формирования социальной солидарности стоит обратиться к теоретическим представлениям о данном феномене. Известно, что в классической социологии Э. Дюркгейм значительную роль в формировании социальной солидарности отводил коллективным представлениям, формируемым в пространстве и времени. Учебник по истории государственности Узбекистана (К. Усманов) как раз и направлен на конструирование коллективных представлений в пространстве и времени. Узбекское общество получает представления об изменении государственных границ, что важно для профилактики возможных конфликтов, а также представления об интеллектуальном потенциале нации. Фактически в учебнике сконструирован образ древнего сильного независимого государства, в котором чтят традиции. Не стоит забывать, что развивающееся узбекское общество, как и все центральноазиатские, имеет восточный менталитет, построенный на приверженности традициям. Традиционный уклад жизни до сих пор актуален для Узбекистана, поэтому и стратегия возвращения к традициям является эффективной.

Учебники истории – лишь один из инструментов управления процессом формирования социальной солидарности, они могут быть расценены как первоначальная база для влияния на коллективное сознание. Система же управления обозначенным процессом включает в себя национальные концепции и государственные программы, а также скорректированные под новые социально-политические задачи традиции, рассматриваемые как ненормативные структуры. Так, например, Стратегия действий по пяти приоритетным направлениям развития Республики Узбекистан (М. Бекмуратов, К. Куранбаев, Л. Тангриев) призывает людей жить и работать в условиях открытости, солидарности и спокойствия. Особое внимание уделяется коллективному контролю, который рассматривается в качестве механизма гражданского общества.

Формирование социальной солидарности, с точки зрения президента Узбекистана Шавката Мирзиёева, связано с воспитанием чувства ответственности перед государством, обществом и самим собой. Солидарность, по мнению политического руководства Узбекистана, должна зарождаться и поддерживаться в семье и махалле. Из программных документов следует, что возвращение к традиционному укладу, но в несколько модернизиро-

ванном виде, делает возможным консенсус между интересами различных социальных групп: элиты и масс, интеллигенции и бизнеса, старшего и молодого поколений. Солидарность для узбекского общества превращается в лозунг и установку на мирное существование. Из всего сказанного следует, что процесс формирования социальной солидарности имеет два вектора: он является частью идеологии государства, т. е. управляем сверху (как говорилось выше), и начинается, пока достаточно робко, поддерживаться снизу, т. е. является ориентиром и обязательной составляющей нарождающегося гражданского общества.

Стоит вспомнить, что солидарность как общественное состояние (в нашем понимании это то, что формируется снизу), по Дюркгейму, определяет социальное поведение индивидов [4]. Для общества (народа) важно «чувствовать» солидарность. Именно это чувство определяет солидарное поведение и делает общество обществом в полном смысле этого слова [10]. Чувство солидарности определяет эмоциональный подъем масс, их готовность объединяться, в том числе вокруг какого-либо лидера, целенаправлено решать политические и социально-экономические проблемы: «Одной из характеристик массы и толпы является ее повышенная эмоциональность, которая проявляется как в восприятии, так и в ответной реакции» [7, с. 50]. Неслучайно многие стратегические документы, определяющие развитие Узбекистана, используют превосходную степень и обращение к общечеловеческим ценностям (в текстах говорится о «возвышенных настроениях людей»).

Любые коллективные представления репрезентируются через организацию событийных мероприятий (в том числе больших строек, фестивалей и др.), целевых программ, а также через ритуалы и социально-гуманитарные исследования, широко обсуждаемые в обществе. Важно, чтобы все обозначенные репрезентации были яркими и с явной этнической составляющей.

С этой точки зрения выход на международную арену с лозунгом «солидарности» («исламской», «тюркской» солидарности) также является знакомым. Несмотря на внешнюю ориентацию, он эффективно работает и на внутреннее объединение, солидарность. Так, Международная конференция «Исламская солидарность: на примере Узбекистана и Азербайджана» (2017), преследуя конкретные политические и экономические цели, оказала влияние на распространение дискурса солидарности, активизирующей как внешние, так и внутренние коммуникации [5].

Обращение к политическим практикам позволяет конкретизировать процесс социальной интеграции. Между тем для понимания возможностей обращения к стратегии солидарности важно решить вопрос с механизмами объединения, что невозможно без обращения к теории Э. Дюрк-

гейма. Социальная интеграция задается у него потребностью индивидов объединяться в общество (быть большой целостной группой). Но в случае с механической солидарностью это происходит на основе неразвитости и сходства индивидов и их общественных функций, в случае с органической солидарностью – на основе разделения труда. Для центральноазиатских обществ, которые, обретя независимость, должны сразу же перейти к модернизации, социальная солидарность имеет смешанный характер: с одной стороны, на базе сохранившегося традиционного общества продолжает существовать механическая солидарность (и это нельзя не учитывать), с другой – развитие экономики приводит к появлению органической солидарности. Последовательный западный вариант развития солидарности в этом случае невозможен. Солидарность здесь качественно иная, и уровень солидарности сообществ также резко отличается. Отсюда задача – найти самую широкую платформу и использовать механизмы как механической, так и органической солидарности.

Оборотной стороной социальной солидарности, ее видимым результатом является социальная сплоченность. Если сообщества не видят смысла в объединении, сплоченность становится невозможной. В. Ландекер выделяет четыре типа сплоченности (интеграции) в обществе: культурную, нормативную, коммуникативную, функциональную [9].

Для Узбекистана культурная сплоченность вполне возможна, она сводится к формированию многоэтнической, но имеющей общие исторические основания национальной культуры. Поддержка культурных традиций здесь вполне обоснована. Другое дело, что нормативную сплоченность можно формировать через новые общие нормы, основанные на ценностях. Если ценности будут приняты, то и нормы приживутся. Информационные технологии современного общества предоставляют возможности для развития коммуникативной сплоченности, это тот уровень сплоченности, управление которым изменяет ситуацию с остальными уровнями, в том числе с функциональной сплоченностью.

В рамках формирования современного национального государства и солидарности на базе национальной идеи и этнических корней сплоченность может выглядеть следующим образом.

1. Культурная сплоченность имеет выраженный этнический характер и является определяющей для остальных видов сплоченности; она может начинаться с решения проблем национального языка, этнической одежды, ритуалов, праздников, традиций.

2. Нормативная сплоченность означает высокую степень конформизма в обществе, согласия с нормами, определяемыми законом, возвращения к моральным устоям на религиозной базе.

3. Коммуникативная сплоченность предполагает увеличение коммуникативной деятельности вокруг национальной идеи и деятельности вокруг национальной стратегии, построенной на национальной идее.

4. Функциональная сплоченность основывается на органической солидарности, она возникает при определенном уровне развития государства, его политической системы и экономики.

Конечно, в своем абсолютном варианте социальная солидарность есть утопия или не более чем красивая идея. Она приобретает объективный характер только тогда, когда воспринимается как цель, стратегия, характеристика сложного состояния общества, конструирующего intersubjective мир. Другими словами, для достижения уровня развития социальной солидарности, релевантного современным требованиям и необходимого для достижения политических целей, требуется самое пристальное внимание к формированию системы ценностей и норм, принимаемых всем обществом, а также доверия президенту и правительству, без чего конструируемые системы не будут функциональными. Солидарность строится на понимании и доверии между государством и гражданским обществом. Поскольку новые практики солидарности, опирающиеся на институты гражданского общества и близкие по форме западным, практически отсутствовали в узбекском обществе, приходится признать допустимой инициативу сверху. Так, по указу Президента Республики Узбекистан в 2017 году в целях обеспечения эффективности внедрения Стратегии действий был организован центр «Стратегия прогресса». Несмотря на то что инициатива была сверху, центр имеет статус и функционирует как неправительственная, некоммерческая организация, решающая следующие задачи:

- изучение международного опыта и мировых стандартов, организация общественной экспертизы;
- проведение мониторинга реализации действий;
- разработка рекомендаций и предложений в целях эффективного решения проблем, указанных в Стратегии действий.

Само по себе решение использования общественной экспертизы даже в ограниченном формате является новым представлением о социальной солидарности. Тем не менее на основании экспертного интервью ($n = 12$) можно утверждать, что понимание солидарности носит традиционный характер: «Чтобы обеспечить эффективную деятельность и солидарность, разные организации и физические лица должны объединиться на пути одной цели, отказаться от личных интересов. Нужно ставить выше интересы труда. В настоящее время выдвинута идея объединения разных организаций на пути общих интересов. Каждый, активно считавший себя членом общества, должен объединиться в деятельности и развиваться в солидарности». Такое видение солидарности свидетельствует о некоторой ее

специфике: 1) о готовности выполнять распоряжения власти; 2) декларации отсутствия собственных интересов, готовности замены их общественными; 3) эмоциональном принятии тезиса о солидарности; 4) недопустимости критики в отношении принятой концепции солидарности. Данные черты свидетельствуют о реальном смешанном характере социальной солидарности (не путать с политической концепцией): механической и органической одновременно. Видимо, такой характер солидарности в обществе можно считать переходным. Но исторический дискурс подсказывает, что переходный характер будет сохраняться достаточно длительное время. Позитивным фактором является то, что, как подтвердило проведенное интервью, экспертное сообщество поддерживает идею солидарности, положенную в основание развития узбекского общества и государства.

Анализ начавшихся процессов конструирования общества на базе социальной солидарности строится на основании критериев, выделенных экспертами в рамках проведенного интервью:

- 1) снижение социальной напряженности в обществе, уменьшение количества конфликтов (как открытых, так и скрытых);
- 2) появление новых механизмов эффективного социального взаимодействия;
- 3) рост институтов гражданского общества: некоммерческих, негосударственных организаций;
- 4) снижение роли силовых структур и развитие других форм социального контроля;
- 5) социально-психологическая атмосфера в обществе, позитивные социальные настроения;
- 6) наличие массовых национальных (светских, этнических, религиозных) мероприятий: праздников, ритуалов, фестивалей и др.;
- 7) рост доверия между государством и населением.

В целом отношения, складывающиеся в обществе на основе социальной солидарности, можно назвать конвенциональными. В соответствии с идеей социальной солидарности полезность и позитивность должны быть понятны всем участникам взаимодействий в обществе, а выяснить это они могут исключительно посредством «договора». «Договор» не существует без дискурса. В обществе должны быть созданы условия для заключения разного рода соглашений, что и позволяет концепция солидарности. Фактически широкое использование термина «солидарность» в узбекском обществе – это призыв к решению проблем бесконфликтным путем. В то же время М. Вебер говорил о конвенциональном мышлении, предполагая его рациональность: «Содержание социального отношения может быть сформулировано по взаимному соглашению. Это означает, что все его участники дают определенные заверения (то ли друг другу, то ли вообще) по

поводу своего поведения в будущем. В этом случае каждый участник соглашения рассчитывает в той мере, в какой он рассуждает рационально, прежде всего на то (с различной степенью надежности), что другой будет в своем поведении ориентироваться на смысл соглашения так, как он (то есть первое действующее лицо) этот смысл понимает. Свое поведение он ориентирует частично на подобное ожидание целерационально (в зависимости от степени его лояльности), частично ценностно-рационально – на «долг», который он усматривает в том, чтобы «соблюдать» соглашение в соответствии с тем, как он понимает смысл» [2, с. 633]. Такое конвенциональное поведение вполне встраивается в концепцию солидарности новой узбекской государственности, из чего можно сделать вывод о переходе к рациональному мышлению и поведению как основе органической солидарности.

Итак, социальная солидарность может быть рассмотрена как фактор развития государственности. Пример Узбекистана показывает, что использование солидарности в моделировании стратегии развития государства приводит к позитивным изменениям в отношениях государства и гражданского общества, стимулирует развитие последнего даже в формате восточных, традиционных устоев. Для объяснения происходящих в Узбекистане социальных процессов, проходящих под лозунгом социальной солидарности, выстраивания политической стратегии развития государственности и общества с учетом реакции различных социальных групп, необходимо сформулировать критерии социальной солидарности (или состояния данного процесса) и провести полноценное количественное обследование общественного мнения.

Литература

1. Бауман З. Индивидуализированное общество / пер. с англ. под ред. В.Л. Иноземцева. – М.: Логос, 2005. – 390 с.
2. Вебер М. Избранные произведения. – М.: Прогресс, 1990. – 805 с.
3. Волков Д., Гончаров С. Потенциал гражданского участия в решении социальных проблем: сводный аналитический отчет, 2014 [Электронный ресурс]. – М.: Левада-Центр, 2014. – 58 с. – URL: http://www.levada.ru/sites/default/files/potencial_grazhdanskogo_uchastiya_0.pdf (дата обращения: 16.04.2019).
4. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. – М.: Наука, 1991. – 576 с.
5. Звоновский В.Б., Меркулова Д.Ю. Конкуренция и солидарность в новых территориальных сообществах // Вестник Самарского государственного экономического университета. – 2015. – № 2 (124). – С. 35–40.
6. Нозль-Нойман Э. Общественное мнение: открытие спирали молчания / пер. с нем. Л.Н. Рыбаковой. – М.: Прогресс-Академия: Весь Мир, 1996. – 351 с.

7. *Осьмух А.А.* Общественное мнение: социология и психология: учебное пособие. – Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2002. – 167 с.
8. *Реутов Е.В.* Социальная солидарность в общественном дискурсе (опыт регионального исследования) // Социологическая наука и социальная практика. – 2017. – Т. 5, № 3. – С. 111–125. – DOI: 10.19181/snsp.2017.5.3.5359.
9. *Landecker W.S.* Types of integration and their measurement // The Language of Social Research / ed. by P. Lazarsfeld, M. Rosenberg. – New York, Free Press of Glencoe, 1962. – P. 19–27.
10. *Rodger J.J.* Social solidarity, welfare and post-emotionalism // Journal of Social Policy. – 2003. – Vol. 32, N 3. – P. 403–421.

Статья поступила в редакцию 08.11.2018.

Статья прошла рецензирование 20.12.2018.

DOI: 10.17212/2075-0862-2019-11.2.2-296-309

SOCIAL SOLIDARITY AS A FACTOR OF THE DEVELOPMENT OF NATIONAL STATEHOOD IN CENTRAL ASIA (THE UZBEK EXPERIENCE)

Osmuk Lyudmila,

*Dr. of Sc. (Sociology), Professor,
Director of the Institute of Social Technologies and Rehabilitation
Novosibirsk State Technical University,
20, K. Marx Ave., Novosibirsk, 630073, Russian Federation
ORCID: 0000-0002-4896-3055
osmuk@mail.ru*

Tagieva Gulsum,

*Doctoral Student of the Department of Social Sciences
Samarkand State University,
15, University Bulvar, Samarkand, 140100, Republic of Uzbekistan
ORCID: 0000-0003-3619-8154
tagiyeva-gulsum@mail.ru*

Abstract

The article deals with the social and socio-political processes taking place in Central Asia. The new understanding of social solidarity in the traditional Eastern society and the emerging transition to the model of national statehood of Uzbekistan based on the principles of interaction with civil society are discussed. The problem is that social solidarity in the modern era of democratic freedoms is built in the context of finding a balance between the need to strengthen the national state and the natural process of development of civil society, but for the Eastern States this “balance” has always had its own specifics. The aim of the study is to analyze the opportunities and barriers of social and socio-political processes based on the appeal to solidarity as a social mechanism that allows effective integration of society. At the same time, there is a political and ideological component of social solidarity, which is often used as a slogan. The authors analyze the factors and conditions of social solidarity development. Social solidarity itself is interpreted as a factor in the development of national statehood. At the same time, Uzbekistan is increasingly becoming the initiator of unification and solidarity of states and societies throughout Central Asia and the East. On the basis of the conducted interview data, the authors present the assessment of social changes by the expert community, and show how the intelligentsia accepts the concept of solidarity. Social solidarity, from the point of view of the intelligentsia, will allow: to reduce social tension in the multicultural/multi-ethnic Uzbek society, with the territorial designation of the borders remaining from the Soviet era, as well as the remaining clan system; it will lead to the growth of civil society institutions: non-profit, non-governmental organizations, and, accordingly, it will reduce the role of power

structures. Finally, it will benefit the socio-psychological atmosphere in the society, support positive social attitudes.

The authors have come to the conclusion, that there is a new scientific problem related to the search for criteria of social solidarity (or the state of the process), and the need to conduct a survey of public opinion, to understand what different social groups think on this issue.

Keywords: social solidarity, national statehood, social changes, Uzbek society, conventional relations.

Bibliographic description for citation:

Osmuk L., Tagieva G. Social solidarity as a factor of the development of national statehood in Central Asia (the Uzbek experience). *Idei i idealy – Ideas and Ideals*, 2019, vol. 11, iss. 2, pt. 2, pp. 296–309. DOI: 10.17212/2075-0862-2019-11.2.2-296-309.

References

1. Bauman Z. *The individualized society*. Cambridge, Polity, 2001 (Russ. ed.: Bauman Z. *Individualizirovannoe obshchestvo*. Translated from English V.L. Inozemtsev. Moscow, Logos Publ., 2005. 390 p.).
2. Weber M. *Izbrannye proizvedeniya* [Selected works]. Translated from German. Moscow, Progress Publ., 1990. 805 p. (In Russian).
3. Volkov D., Goncharov S. Potentsial grazhdanskogo uchastiya v reshenii sotsial'nykh problem: svodnyi analiticheskii otchet, 2014 [Potential of civic engagement in the solution of social problems: summary analytical report, 2014]. Moscow, Levada-Tsentr Publ., 2014. 58 p. Available at: http://www.levada.ru/sites/default/files/potencial_grazhdanskogo_uchastiya_0.pdf (accessed 26.03.2019).
4. Durkheim É. *O razdelenii obshchestvennogo truda. Metod sotsiologii*. Translated from French A.B. Gofman. Moscow, Nauka Publ., 1991. 576 p. (In Russian).
5. Zvonovskii V.B., Merkulova D.Yu. Konkurentsia i solidarnost' v novykh territorial'nykh soobshchestvakh [Competition and solidarity in new territorial communities]. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta – Vestnik of Samara State University of Economics*, 2015, no. 2 (124), pp. 35–40.
6. Noelle-Neumann E. *Öffentliche Meinung: die Entdeckung der Schweigespirale*. Frankfurt am Mein, Ullstein Verlag, 1989 (Russ. ed.: Noel'-Noiman E. *Obshchestvennoe mnenie: otkrytie spirali molchaniya*. Translated from German L.N. Rybakova. Moscow, Progress-Akademiya Publ., Ves' Mir Publ., 1996. 351 p.).
7. Os'muk L.A. *Obshchestvennoe mnenie: sotsiologiya i psikhologiya* [Public opinion: the sociology and psychology]. Novosibirsk, NSTU Publ., 2002. 167 p.
8. Reutov E.V. Sotsial'naya solidarnost' v obshchestvennom diskurse (opyt regional'nogo issledovaniya) [Social cohesion in public discourse (local research experience)]. – *Sotsiologicheskaya nauka i sotsial'naya praktika – Sociological Science and Social Practice*, 2017, vol. 5, no. 3, pp. 111–125. DOI: 10.19181/snsp.2017.5.3.5359.

9. Landecker W.S. Types of Integration and their Measurement. *The Language of Social Research*. Ed. by P. Lazarsfeld, M. Rosenberg. New York, Free Press of Glencoe, 1962, pp. 19–27.

10. Rodger J.J. Social solidarity, welfare and post-emotionalism. *Journal of Social Policy*, 2003, vol. 32, no. 3, pp. 403–421.

The article was received on 08.11.2018

The article was reviewed on 20.12.2018.